

ЭФФЕКТЫ КРИЗИСА

предвосхищая
будущее

М.В. Бойкова, Д.Б. Крупникова

Возникновение сетевых сообществ в последние годы стало повсеместным явлением, которое отражает как расширение доступа к Интернету массовой аудитории, так и ее неудовлетворенность традиционными средствами обмена информацией. Подобные сообщества, как правило, охватывают людей, объединенных общими интересами, что позволяет в рамках проводимых дискуссий формировать согласованные позиции, лучше понимать, а зачастую и принимать позиции оппонентов. Таким образом, формируются площадки, на которых нередко затрагиваются вопросы, находящиеся за рамками стандартных подходов.

Особый интерес представляют сетевые группы, в которые входят профессионалы высокого уровня, люди с нестандартным мышлением, способные на ранней стадии

улавливать зарождающиеся тренды («слабые сигналы») и оценивать их возможные последствия, инициировать дискуссии по важнейшим, но далеко не всегда лежащим на поверхности проблемам. Чем выше уровень таких сообществ, тем более интересными и влиятельными они становятся.

Одна из таких групп — «Формирование будущего»¹, охватывающая футурологов, экономистов, психологов, специалистов из других самых разных областей, регулярно обсуждает наиболее острые темы, касающиеся каждого жителя нашей планеты. Высокий профессиональный уровень дискуссий, глубина проработки проблем, обоснованность суждений, творческий подход к поиску возможных решений представляют серьезную ценность для тех, кто интересуется проблемами Форсайта.

¹ <http://shapingtomorrow.com>.

Одна из международных сетевых команд под руководством **Дж. Ренша**, независимого консультанта-футуролога из США, провела масштабную и интересную онлайн-дискуссию на тему «Эффекты кризиса». Она началась в 2007 г., до наступления финансового кризиса, и продолжалась в течение 2008 и 2009 гг. Ниже представлен обзор основных аспектов дискуссии.

Закат американской империи

Первый блок вопросов, рассмотренных дискуссантами, охватывал ментальные трансформации в американском обществе, повлекшие за собой смещение стратегических ориентиров США, утрату прежнего мирового влияния и разрушение образа фронтмена мирового развития. Тема этого блока формулировалась как «Закат американской империи»

Приведем отдельные высказывания известных персон и СМИ, которые проявили обеспокоенность вектором развития Америки.

«Американское правительство опирается на слишком ненадежную политику, которая сопровождается фискальным дефицитом, недофинансированием здравоохранения, неконтролируемым притоком мигрантов и внешней военной доктриной. Если не будут приняты необходимые меры, то наступление кризиса неизбежно». **The Financial Times** (август 2007 г.)

«Подобные общества не способны заранее предвидеть проблемы, осознать их, когда они появились, решить их, когда они осознаны. Несмотря на избыток информации и знаний в Америке, мы проигрываем по всем трем вышеуказанным позициям, потому что недостаточно эффективно организованы для решения мультидисциплинарных и мультифакторных задач». **М. Марьен**, редактор бюллетеня *Future Survey Всемирного общества исследований будущего*, автор статьи «Насколько вероятен крах?» (*How Likely Is Collapse?*)¹

«Именно те ценности, с которыми люди не желают расставаться в критических условиях, привели их к величайшим победам в прошлом. Американцам всегда была присуща уверенность в собственных силах, что помогло им стать великой нацией. Но со временем самоуверенность и самонадеянность переросли в высокомерие, которое сегодня раздражает

весь мир». **Д. Даймонд**, профессор Калифорнийского университета, лауреат Пулицеровской премии, автор книги «Крах: как общества выбирают между провалом и успехом» (*Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*)

«Прогноз неизбежного краха американской империи может показаться нелепым. Всего 50 лет доминирования над остальным миром сделали существование США как империи самым недолговечным в истории человечества. Результаты многих авторитетных исследований показывают, что дни Америки как империи сочтены...» **Д. Порритт**, председатель британской Комиссии по устойчивому развитию

«Когда я говорю о крахе мировой денежной системы, то имею в виду конец американской системы. Денежные системы являются основным показателем имперской силы и главным инструментом приведения ее в действие. Необходимо учитывать, что империи наиболее опасны во время упадка: у них сохраняется сила справиться с любым сопротивлением, но ее недостаточно для того, чтобы предложить новое решение». **Б. Лиетаер**, автор книги «Будущее денег» (*The Future of Money*)

«Настало время перехода человечества от формирования глобальных империй к обществу, основанному на партнерстве. К счастью, люди научились принимать коллективные решения, чтобы избежать агрессивной американской концепции “сражайся или умри”». **Д. Кортен**, глава *сету Positive Futures*, автор книги «Великий поворот» (*The Great Turning*)

«США распоряжаются своей силой хуже, чем Британская империя времен расцвета. Попытка насильственного вмешательства Америки в дела других стран лишь привела к наихудшему сценарию. Кризис вызван не только действиями, но и ошибочным пониманием США своей миссии». **Архиепископ Кентерберийский**, *London's Sunday Times* (ноябрь 2007 г.)²

«США остаются самой могущественной страной в истории человечества, но они столкнулись с противоречивым сосуществованием республиканских традиций и современных имперских амбиций. Пути эволюции демократических империй наводят на мысль о нежизнеспособности подобных сочетаний. Древний Рим пытался сохранить имперский строй и потерял демократию. Британия предпочла остаться демократическим государством и утратила статус империи. Осознанно или нет, американцы пошли по пути создания недемократической империи. Факты свидетельствуют о том, что этот путь будет коротким и, скорее всего, закончится экономическим и политическим крахом». **Журнал Harper's** (январь 2007 г.)³

¹ Опубликована в журнале “Yes!” в мае 2006 г. <http://www.yesmagazine.org/issues/5000-years-of-empire/1474>.

² С полной версией публикации можно ознакомиться в Интернете по адресу: <http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/faith/article2937068.ece>.

³ <http://www.harpers.org/archive/2007/01/0081346>.

Первый вопрос, поставленный в повестке дня, «Почему футурологи не говорят о крахе американской империи?» — позволяет определить дискуссию как сложное интеллектуальное упражнение, призванное найти ответ в исторических пластах кризиса.

В конце 2007 г. СМИ зафиксировали благоприятную ситуацию на глобальных финансовых рынках, экономические показатели США не вызвали всеобщего беспокойства (если не учитывать пресловутый фактор задолженности), а сетевая команда уже задавалась «неактуальным» вопросом, демонстрируя легкую философскую отстраненность. Подобная отстраненность могла показаться странной только для неискушенного наблюдателя. В более узких кругах американского общества вопрос возможного краха США как империи поднимался и ранее. Так, Д. Уолкер, начальник Главного контрольно-финансового управления США, в своем докладе дал весьма мрачную оценку будущего страны. Он провел параллель с Римской империей и выявил разительное сходство между современной ситуацией в Америке и факторами, которые привели к крушению Древнего Рима. А в университете Хьюстона в рамках программы Futures Studies анализировалась книга К. Мерфи «Мы — Рим?» (Are We Rome?), вышедшая в 2007 г. Участники дискуссии продолжили тему, поднятую Уолкером и Мерфи, оперируя термином «империя».

Что привело Америку к сегодняшнему положению вещей, при котором она сравнивается с Римской империей в ее печальном финале?

По мнению дискуссионщиков, причину следует искать в стратегиях периода расцвета американского могущества, когда после Второй мировой войны формировалась система современных международных институтов. С начала 1960-х гг., когда США разработали идеологическую систему, оказывающую влияние на внешнюю и внутреннюю политику, нехватка гибкости не позволяла американскому правительству учитывать меняющийся мировой контекст и правильно интерпретировать формирующиеся тенденции.⁴ Политическая близорукость проявилась прежде всего в противостоянии национальному самоопределению отдельных стран, сдвиге мирового благосостояния в сторону Запада, вооруженных вмешательствах в политику других государств, использовании энергии и продовольствия в качестве инструментов политического давления. Это привело к формированию негативного отношения к Америке в мире, и в течение последующих 40 лет она приобретала все больше и больше противников.

Известный исследователь расцвета и упадка империй Дж.Б. Бьюри сделал вывод, что римляне оказались заложниками собственного высокомерия и мнимого могущества. Это блокировало их способность решать возникающие проблемы, которые, постоянно накапливаясь, привели к краху Римской империи. То же самое может произойти и с Америкой.

Этому сдвигу не могла воспрепятствовать даже такая сильная и созидательная доминанта национального самосознания, как американская мечта, которая оказывала формирующее влияние на экономическую систему. Мечта и благосостояние американцев многие годы были неразрывно связаны.

По мнению Дж. Ренеша, американская мечта есть совокупность материальной и духовной сторон жизни. Свобода в этом случае имела все же нравственный корпус, включающий прежде всего ответственность. В какой-то период американцы, сильно сосредоточившись на материальном аспекте и проигнорировав духовный, упустили из виду нравственный фундамент, что впоследствии привело к разрушению тех экономических принципов, которые не допускали стихийного развития свободного рынка.

Для посткризисного возрождения Америки в ее прежнем могуществе, по мнению Ренеша, необходимо вынужденное возвращение к нравственным основам. Несомненно, оно будет болезненным, но окажет свой оздоровляющий эффект.

С. Уэллнерр, профессор Канзасского университета, президент компании Frewen (США), констатирует: «В последние годы в США произошел явный сдвиг в сторону неконтролируемого потребления материальных ценностей, что отразилось на образе жизни и характере экономического развития. Если раньше американская мечта для многих была основной ценностью, особенно такой ее компонент, как созидание материального благополучия, то в наше время она превратилась в концепцию тотального потребления и сверхагрессивного капитализма. Современное представление о Мечте вытеснило ее основную идею о равных возможностях. Когда-то свобода заключалась в свободном осуществлении Мечты, теперь же она сводится к понятию свободного рынка и индивидуального накопления. Личные свободы основываются на стабильной общественной инфраструктуре, способной поддерживать высокий уровень жизни. Для реализации Мечты необходимо наличие обеих составляющих».

Сегодня США слишком далеко ушли от той концепции Мечты, которая в качестве сильной позитивной доминанты формировала идеологию нации. В последние десятилетия американцы, как ни одна другая нация, стали практиковать рисковую поведенческую модель потребления, что привело к нивелированию созидательных установок и разрушению ценностей, в свое время позволивших достичь инновационного и экономического олимпа.

В то же время **М. Бен-Менахем**, профессор университета Бен-Гурион (Израиль), не видит связи между потерей влияния Мечты и проблемами американской экономики в XXI в.: «Разрушения являются неотъемлемой частью экономики и в будущем не прекратятся. Они не имеют ничего общего с американской мечтой. Капитализм существует для того, чтобы люди учились контро-

⁴ О проблеме негибкости мышления и политических действий см. также: [Бельке, Минкс, 2008].

лизовать свои амбиции и генерировали хорошие идеи для увеличения благосостояния. Экономика — как таец: два шага вперед и иногда шаг назад».

С ним не согласна С. Уэллнер: «В любой системе жизнеобеспечения есть духовный базис, определенная философия, приоритет одних ценностей над другими. Основные положения формируются, как только какое-либо явление обретает рамки и определение, будь то свободный рынок или регуляторы. Экономика не может существовать без общества, которое, в свою очередь, принимает зарождающиеся ценности. Нью-йоркский фондовый рынок является примером осуществления американской мечты в виде общественного обмена (хотя факты свидетельствуют об обратном). Население почувствовало, насколько тесно такой обмен связан с жизнью общества, я не побоюсь назвать его иконой будущего. В основе решений непременно должны лежать новые идеи, теории и принципы».

Как бы то ни было, погоню простых американцев за вещами, обеспечиваемыми потребительскими кредитами, и финансового менеджмента — за сверхприбылями, вряд ли можно назвать процессом, отвечающим здоровой экономической логике. То, что перестал работать фактор самосохранения, включающий постоянный анализ меняющейся реальности и своевременную корректировку стратегий, говорит уже о структурном сдвиге в восприятии происходящего.

Невосприимчивость

Возникает вопрос: что в это время делали американские футурологи и аналитики, которым по определению надлежит информировать о надвигающихся процессах? Ведь в США вслед за корпорацией RAND Форсайтные упражнения практикуют компании, нацеленные на мировое лидерство. Но, похоже, информация о будущих сложных вызовах у сегодняшних сотрудников компаний вызывает отторжение. Это подтверждает **М. Буллинга**, независимый консультант-футуролог из Нидерландов, проводящий в компаниях корпоративные семинары для сотрудников на тему будущих вызовов. По его оценке, слушатели, как правило, не воспринимают объективных предупреждений: «Людей охватывает панический страх перед вероятными негативными прогнозами и своей неспособностью изменить надвигающиеся события. Они не в состоянии остановить негативные сценарии, так как комфортный стиль жизни не способствовал развитию навыков их предотвращения. Это приводит к тому, что независимые специалисты-футурологи, ведущие исследования по заказу компаний, предпочитают не озвучивать неблагоприятные прогнозы, опасаясь потерять клиентов. В то же время их коллеги, занятые в крупных научных центрах и работающие над аналогичной темой, склонны концентрироваться на отрицательных прогнозах».

Данную точку зрения разделяет **М. Энтони**, профессор университета Sunshine Coast (Австралия): «Футурологи не хотят, чтобы их считали вестниками неудач. В силу своей специализации они могут предвосхитить надвигающиеся события, но профессиональная этика не позволяет им выносить это на широкое обсуждение».

Что касается политических кругов, Дж. Ренеш отметил: «Возможность того, что США могут потерпеть крах, сегодня уже обсуждается и республиканцами, и демократами. Но сама постановка темы в целом идет вразрез с американскими доктринами, которые традиционно направлены на поиск новых возможностей». Поэтому американским обществом возможность коллапса по большому счету не воспринимается.⁵

В составе самой сетевой команды часть американских экспертов осталась убежденной, что никакого коллапса не существует, а наблюдаемый процесс — всего лишь «жесткая посадка», т. е. резкое снижение экономических показателей, и США в настоящее время переживают циклическое затишье перед восстановлением. Имеются и такие точки зрения, что США вступили в период умеренного спада («мягкой посадки»). В обоих случаях наблюдается отказ признать крушение американской империи как таковое.

Прозвучало мнение, что США сохраняют экономическое превосходство еще какое-то время, однако их модель развития не будет прежней хотя бы потому, что траектория внутренней эволюции ныне отличается от сложившейся ранее. Это, несомненно, влияет на развитие всего мира, а кардинальные трансформации, происходящие в США, могут иметь деструктивный эффект для остальных стран. При этом, как утверждает **Н. Диан**, консультант по Форсайт-проектам из Швеции, сегодня помимо обозначенных выше проблем у Америки есть и другие, не менее сложные: США — единственная страна, в которой граница между низшим слоем общества и относительно состоятельными гражданами была институционализирована. В результате сформировалось два класса: богатая прослойка и бедное население. Разрыв между ними все более увеличивается и сегодня является наиболее характерной чертой американского общества. Первые стремятся себя обезопасить, отгородившись защитными барьерами, вторые сформировали собственное государство, в котором процветают преступность и наркоторговля».

При наличии такого комплекса проблем Диан все же оптимистична: «Притом что американская экономика функционирует за счет заимствований, это не является для США серьезной проблемой, они могут позволить себе подобную политику по крайней мере еще 100 лет».

В этом ракурсе рассуждает и **Э. Вайнберг**, научный сотрудник Института Форсайт-исследований (Австралия): «Крушение американской империи

⁵ Подробнее о причинах и последствиях невосприимчивости к меняющемуся контексту, см., например, [Кристенсен, 2004; Фостер, Каплан, 2005; Финкельштейн, 2006; Клейтон, 2008].

означает не исчезновение США как государства, а всего лишь отказ от имперских притязаний. Империи в отличие от демократических обществ не обладают способностью к институциональному обновлению, поэтому многое зависит от того, насколько США окажутся способными к нему. В идеологии государства заложен потенциал скорее возрождения, чем разрушения».

Игры разума

Кризис

Начало кризиса в 2008 г. сделало следующую тему дискуссии очевидной. Согласно Форсайтной логике, не столько сам кризис (мы проанализируем его ниже), сколько невосприимчивость финансовой, экономической и политической элитами предупредительных сигналов надвигающейся катастрофы стала для участников дискуссии настоящей загадкой. Именно фактор ослепления вызывал у них больше всего вопросов, а не само наступление кризиса.

Неспособными уловить вполне осязаемые сигналы перемен оказались не обычные люди, а те, кто находился в авангарде экономического развития. Что заставило их вести себя так, будто кризис возник случайно?

С наступлением кризиса тема невосприимчивости рассматривалась уже в ином разрезе. То, что она имела к этому прямое отношение, не оставляло сомнений.

Предпосылки финансовой катастрофы были очевидны уже в конце 1990-х гг., и ведущие эксперты на протяжении последнего десятилетия на них указывали. Несмотря на существование документально подтвержденных доказательств высокой вероятности финансового кризиса, менеджеры высшего звена банковского сектора и разделяющие их взгляды политические круги настаивали на несостоятельности подобных прогнозов. Более того, они отказывались серьезно воспринимать даже достаточно фактурные тренды. Тот факт, что перераспределение мирового богатства в пользу Китая и отдельных азиатских стран будет иметь далеко идущие последствия, не вызывал у них беспокойства.

Наряду с этим были и достаточно объективные исследования, которые также были проигнорированы. Так, в 1998 г. проводилось исследование, в котором приняли участие 300 менеджеров крупных организаций⁶. Две трети опрошенных были убеждены, что через какое-то время мировая экономическая система окажется в состоянии финансового дисбаланса между торговыми потоками Запада и Востока. Участники исследования указывали и на вероятность экономического крушения мировой финансовой системы, которое может произой-

ти в 2020 г., но указанные сроки оказались слишком оптимистичными. Так что и в корпоративном мире нашлись люди, которые по своей природе были открыты к сложным вызовам, что позволило им осознать возможность коллапса за 10 лет до его начала.

Почему же подобной открытости не было в финансовых кругах? Причиной послужила утеря контроля над будущим, единодушно убеждены участники дискуссии. Анализ отдельных аналитических докладов 1990-х гг. свидетельствует, что в финансовой системе сформировалось и получило развитие опасное явление — профессиональная спекуляция на мировом уровне.

Порочная инновация

Новые технологии ИКТ позволили банкам осуществлять операции с мгновенным перемещением денежных потоков через континенты, создав тем самым благоприятные условия для спекулятивных операций на мировых валютных рынках. Это позволило в начале XXI в. определенным финансовым кругам разработать необычную инновацию — деривативы, которые были призваны оградить игроков от рыночных рисков. Но на практике они были использованы не как средство снижения риска, а как новый продукт, способный генерировать прибыль.

Новые внебалансовые отчеты характеризовались непрозрачностью, и никакие механизмы не могли выявить то, что оставалось за кадром. Непрозрачность способствовала увеличению числа хедж-фондов, расширению масштабов спекуляций и сокрытию потенциальных угроз от несетевых банков.

В этом и состоит один из главных вирусов кризиса, которого удалось бы избежать, если бы хотя бы небольшая часть подобных сделок была своевременно подвергнута осмыслению. **М. Джексон**, член консультативного совета Европейской конференции футурологов в Люцерне (Швейцария), — из числа тех, кто анализировал происходящее со стороны: «Обладая опытом и интуицией футуролога, я изначально испытывал недоверие к субстандартным и необычным финансовым продуктам 1990-х гг. Я мог предсказать время наступления кризиса и сценарий его развития, но не мог определить основных жертв, а непосредственные участники процесса оказались невосприимчивыми к надвигающейся катастрофе. Причины случившегося кризиса я вижу в следующем: ослабление структуры рынков в результате неудачных попыток сделать их более открытыми; неоправданный риск организаций, обусловленный необходимостью постоянно демонстрировать высокий темп роста; недалекость руководства, несмотря на наличие исчерпывающей информации; отсутствие внутреннего контроля в американских инвестиционных банках; введение субстандартного кредита, реальное использование

⁶ Подробнее об исследовании см.: <http://futureobservatory.dyndns.org/7248.htm>.

которого возможно только в условиях растущего рынка; предоставление высокорисковых кредитов».

Крайности порочной инновации проявлялись на уровне трех сторон. Руководства кредитно-рейтинговых агентств и их банков-клиентов получали сверхприбыли; правительства имели возможность легко стимулировать рост экономики за счет развития кредитования; работники же общественного сектора подвергались в огромной степени неосознанному риску, связанному с хранением своих финансовых накоплений.

Остановимся подробнее на эволюции порочной практики.

Животный инстинкт

После схлопывания «мыльного пузыря» интернет-торговли в 2000 г. тогдашний глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен спас национальный рынок путем сокращения учетной процентной ставки до 1%, что практически обесценило деньги. Увлечшись легким способом наращивания финансовых ресурсов, его примеру последовали кабинеты Б. Клинтона и Т. Блэра. Они поддержали такой подход, несмотря на то что возникшая финансовая система в политическом плане была регрессивной. Администрация Дж. Буша только укрепила эти правила игры.

Согласно новой логике финансовых рынков, направление денежных потоков должно определяться исходя из ожидаемых изменений, а не текущих событий. Здесь уместна аналогия с казино, где игроки прежде всего уделяют повышенное внимание предсказаниям будущих ставок остальных участников игры. Д. Кейнс сравнивал подобное поведение с животным инстинктом. Деструктивным аспектом рыночной спекуляции было то, что менеджеры, занимающие руководящие посты, позиционировали себя как управляющих торговыми компаниями, а не банками, что недалеко от истины. Они решали поставленную задачу — в первую очередь увеличить внебалансовую прибыль, а не обеспечить безопасность инвестиций своих клиентов. Если раньше в стиле казино действовали фондовые рынки, то теперь такую практику подхватила вся финансовая индустрия.

Правительство же оказалось не в состоянии увидеть на горизонте надвигающийся коллапс, его восприятие уже не работало на перспективу. Здесь кроется фундаментальный фактор, который при рассмотрении лишь сквозь призму финансовых и экономических аспектов, как правило, оказывается незамеченным. Этот фактор имеет ментальную природу и представляет собой определенный психологический барьер. В данном случае его влияние определилось размером материального вознаграждения топ-менеджеров, решившихся на сомнительные финансовые операции, и развитым групповым мышлением. При этом критическое мышление

блокируется, что препятствует адекватному анализу процесса. По свидетельствам многих очевидцев, работавших в компаниях на Уолл-стрит, любой, кто приносил нежелательные новости из внешнего мира, неизбежно признавался врагом и зачастую лишался работы.

Постоянное оттеснение объективной информации привело к тому, что Уолл-стрит стал ярким кейсом теории катастроф. Вместо мягкого спада, заявленного в оптимистических прогнозах, мир стал свидетелем жесткого пике. Во многом этому способствовал эффект амплификационной спирали, который выглядит следующим образом: СМИ, подавая жареные факты, представляют информацию в искаженном свете, население усугубляет ситуацию, игроки поддаются панике, что отражается на результатах биржевых торгов. Поскольку брокеры делают ставки, во многом руководствуясь субъективными настроениями, объяснить логику формирования стоимости ценных бумаг они не способны⁷. Отрицательные результаты торгов снова попадают в СМИ, и новый цикл спирали раскручивается.

От зарождения до взрыва

Далее сетевая команда проследовала коридором развития кризиса, тем самым проделав весьма полезную работу. Ведь очаг кризиса с его сложными эффектами зародился в экономической системе. Развитие этой системы, ее болезни роста стали фокусом следующего блока обсуждений.

Экономический хиндсайт

Анализ эволюции факторов, приведших к кризису, его своеобразной дорожной карты от точки зарождения до взрыва показывает, что экономические первопричины кризиса возникли как минимум четверть века назад. Дискуссанты проанализировали те основные аспекты, которые сошлись в точке идеального шторма и взорвали мировую финансовую систему.

Кейнсианская модель экономики, доминировавшая до 1970-х гг., опиралась в качестве рычагов регулирования на государственный контроль и совокупный спрос.

По мере развития экономики широкое распространение получили идеи о неэффективности вмешательства государства в экономику, поддерживаемые математическими обоснованиями со стороны ряда ученых — лауреатов Нобелевской премии. Под их давлением многие национальные правительства существенно ослабили контроль над экономической сферой, наблюдая за происходящими в ней транс-

⁷ Интересный анализ феномена иррациональных мотивов в принятии финансовых решений приведен в работе [Руфф, 2007].

формационными процессами со стороны. Это привело к тому, что в 1980-х гг. на смену кейнсианству пришел монетаризм, в котором основное внимание уделялось предложению денег. Впоследствии и эта модель из-за игры на обменных курсах, чрезмерной зависимости от рыночных цен и попыток сокращения темпов инфляции потребительских цен оказалась неэффективной.

Складывавшийся контекст требовал новых правил игры. В конце XX в. сформировалось три фактора-вызова, взаимодействие которых привело к серьезным трансформационным переменам во всей миросистеме. Это поставило перед национальными правительствами уникальную метазадачу — быстрой адаптации к усложняющемуся контексту.

Постиндустриализм. Произвел существенный сдвиг в производственной деятельности: от иерархичных конвейерных линий к корпоративному миру, от индустриальной экономики к экономике услуг, в частности финансовых.

ИКТ-революция. Процесс компьютеризации и повсеместное распространение Интернета стали двигателями экономики знаний, которая преобразовала всю финансово-экономическую систему.

Постмодернизм. Обусловил новый стиль жизни, в котором нивелируется расстояние между массовым и элитарным потребителями. Блага, которые традиционно были достоянием немногих, становятся доступными широким массам.

Вследствие всего этого происходит подъем новых стран-лидеров. Запад утрачивает доминирующее господство. Распространение получают нематериальные услуги. Затем последовала другая сложность — чрезвычайная зависимость экономики от механизмов материального исчисления сокращающихся дефицитных ресурсов. Адаптация к подобному контексту оказалась слишком сложной задачей. Следующая экономическая модель уже должна была учитывать новые активы, основанные на нематериальных, не измеримых традиционными методами ресурсах. Предыдущие модели этого не учитывали.

В рамках каждой модели существуют свои различия: неокейнсианство ориентируется на макроэкономические показатели исходя из несовершенства конкуренции, посткейнсианство базируется на концепции неопределенности. Лагерь монетаристов разделился на тех, кто придерживался теории М. Фридмана, и тех, кто отдавал предпочтение математически обоснованным рациональным ожиданиям.

В связи с тем что сегодня принцип доминирования отдельной экономической теории утратил свою ключевую роль, взаимодействие различных экономических школ на практике свелось к упрощенным мерам. В частности, кейнсианство было сведено к кривой Филипса (отражает зависимость между безработицей и инфляцией), и предпочтение стало отдаваться нерегулируемому свободному рынку. Когда эта теория не подтвердилась на практике, концепция кейнсианства была разрушена. После того как меры по контролю за предложением денег оказались бессмысленными, деятельность, основанная

на игре на разнице обменных курсов, ограничилась единственной мерой государственного регулирования — изменением учетной ставки. Таким образом, связь с основными положениями экономической теории разорвалась. Став легитимной и популярной, модель была взята на вооружение независимыми центральными банками. Остальные банки отказались последовать их примеру и не стали открыто демонстрировать свои доходы.

Финансовый хиндсайт

Несмотря на модернизацию бизнес-процессов на базе ИКТ в конце 1970-х – начале 1980-х гг., принцип функционирования банковской системы оставался прежним. Клиринговые банки были достаточно преуспевающими; каждый отдел управлялся отдельным менеджером, который лично знал всех клиентов и нес ответственность за операции. При этом с легкой руки центрального банка Великобритании допускалось использование клиринговыми банками спекулятивных методов кредитования малого бизнеса. Ипотечные банки обслуживали жилищно-строительный сектор, объединявший в кооперативы инвесторов и заемщиков. Коммерческие банки предоставляли крупные займы корпорациям, ранее финансировавшим проекты из собственной прибыли. Фондовые рынки находились исключительно в компетенции профессиональных инвесторов, в том числе пенсионных фондов. В это время, несмотря на увеличение охвата внутреннего кредитного рынка и появление новых операций с кредитными картами, банковская система все еще регулировалась государством.

Кардинальные изменения начались лишь после 1987 г., когда М. Тэтчер отменила регулирование банковского сектора Великобритании и США последовали этому примеру. Впоследствии роль банков изменилась, в том числе благодаря тому, что представители США вошли в руководство британского Citibank. Коммерческие банки существенно расширили спектр своей деятельности, сфокусировав ее на внутренней торговле и посредничестве. Клиринговые банки тоже взяли новый курс — на осуществление операций торговых банков, отказавшись при этом от иной коммерческой деятельности. Ипотечные банки по причине распада крупнейших жилищно-строительных кооперативов переориентировались на оптовые валютные рынки. Фондовые рынки, разнообразив ассортимент своей продукции и увеличив число инструментов рынка облигаций, повысили свою привлекательность в глазах новых игроков.

Данный процесс привел к появлению нового типа управленца — динамичного, агрессивного предпринимателя, который действовал по новой логике. Она заключалась в том, что вторжение на новые рынки хоть и способствовало увеличению прибыли, но поднимало уровень рисков выше допустимого. Риски в этом случае воспринимались как возможность получить сверхприбыль, поэтому

они поощрялись и стимулировались. Метод извлечения прибыли любыми средствами стал рассматриваться как единственная мера успеха.

Несмотря на то что отмена регулирования в 1980-х гг. позволила банкам осуществлять разные виды деятельности, в тот период все еще велись разговоры о здоровом разграничении функций. Однако вскоре они прекратились, и интеграция банковских продуктов получила полное признание. К тому же многие банки, используя деривативы, начали уклоняться от обязательного постоянного контроля. Прикрываясь интегрированным пакетом услуг, банки вкладывали деньги клиентов во все более рискованные инвестиции, умножая свои сверхприбыли, но при этом не предупреждая клиентов о наличии серьезных рисков. Таким образом, банковские сделки вышли на новый уровень сложности.

В последующие десятилетия банки уже были обязаны обеспечивать увеличение прибыли своих акционеров посредством финансовых спекуляций, что, к сожалению, не опиралось на какой-либо соответствующий опыт. Правительства Великобритании и США нашли новую банковскую стратегию достаточно привлекательной, так как она способствовала самостоятельному развитию новых секторов экономики.

Рецессия и экономический спад 1990-х гг. не послужили им уроком. Здесь был запущен вирус кризиса, который прогрессировал благодаря влезанию банков в субстандартные долги. В то время многие люди, как и сегодня, потеряли недвижимость, но вкладчикам все было преподнесено не столь драматично. В случае если они принимали на себя риски, теперь уже самостоятельно, им предоставлялся еще один шанс. Подняв процентные ставки, банки извлекли выгоду и из этой ситуации.

Рынок наполнился рискованными банковскими продуктами, цены на которые постоянно завышались. Тот факт, что главными игроками оказались обычные люди, обремененные долгами, в расчет не брался. Всего пять лет понадобилось финансовым институтам, чтобы снова дать старт столь авантюрной стратегии. Структурные изменения в банковской сфере вызвали соответствующие перемены в ментальной установке: «Я получу сверхприбыль, если пойду на риск; пока я в игре, вероятность провала исключена».

В дополнение ко всему вышесказанному необходимо отметить, что банковская система настолько усложнилась, что лишь единицы могли понять ее устройство. **П. Роче**, глава консалтинговой компании Perret Roche (Великобритания), обобщил принципы функционирования финансовой системы и причины наступления кризиса следующим образом: «Важнейшими характеристиками любой системы являются механистичность и органичность. Конечным продуктом сбалансированного взаимодействия этих характеристик должна стать динамичная, адаптивная и устойчивая система. В противном случае мы получим хаос⁸. Банковская

система Великобритании в период с 1970 по 1987 гг. как раз напоминает устройство механистических систем. Но в 1987 г. она была переориентирована на обслуживание предпринимательской деятельности без учета специфики последней. Несмотря на то, что механистические системы контролируются человеком, они ограничивают его предпринимательский инстинкт жесткими структурными рамками, вынуждая его выбирать эволюционный путь развития. Чтобы предпринимательские действия были стабильными, их результаты должны обрести свойства механистической системы. На мой взгляд, существует две причины глобального экономического кризиса. Во-первых, структурные изменения вносились в функционирование механистической банковской системы Великобритании без учета последствий. Во-вторых, была разрешена предпринимательская деятельность в банковском секторе, но никаких исследований ее устойчивости проведено не было. Это привело к дестабилизации механистических систем и их замене на нерегулируемые предпринимательские действия с непредсказуемым результатом».

Необходимо отметить, что дискуссанты разграничивают понятия «кризис финансовых рынков» и «экономический кризис». На этом настаивает **Д. Мерсер** — вице-президент компании StrategyAnalytics (Великобритания): «Следует видеть разницу между кризисом финансовых рынков и экономическим кризисом. В 1929 г. в связи с тем, что большинство активов формировалось посредством рынка, эти понятия были тождественны. Но к 1980 г. европейские корпорации начали формировать собственный капитал, обеспечивая себе финансовую стабильность. Такая стратегия имеет место и сегодня, поэтому некоторые фирмы оказались устойчивыми во время кризиса».

Меры выхода из кризиса

Участники дискуссии не ограничились только выявлением факторов, приведших к кризису, и характеристикой его эффектов. Они сформировали портфель мер, который, на их взгляд, может оказать содействие общему процессу оздоровления финансовой и экономической систем.

Финансовое регулирование

Прежде всего финансовая система требует реформирования, причем реформы должны носить революционный характер. При этом следует учитывать, что радикальные изменения, проведенные в короткие сроки, вызывают нестабильность.

⁸ О свойствах сложных систем в контексте стратегического прогнозирования см. также [Сергина, Барышев, 2008].

Представляем эти рекомендации применительно к соответствующим объектам.

Управление. Необходимо изменить корпоративную культуру финансового сектора путем скорейшего перехода от несоразмерных бонусных выплат к более умеренным вознаграждениям (до 20%) и расчету стоимости фондовых опционов, ориентированных на долгосрочный рост от трех лет. Персоналу потребуется пройти специальные курсы, чтобы усвоить свои правовые обязанности. Персонал, чьи управленческие решения способствовали наступлению кризиса, следует отстранить от занимаемых должностей или строго контролировать с помощью новых авторитетных институтов.

Ипотечные кредиты. Необходим жесткий контроль и повышение качества активов.

Безопасность клиентов. От возможных рисков в будущем клиентов обезопасят банки проблемных активов, функционирующие по принципу фондовых рынков.

Система штрафов. Невыполнение обязательств кредиторов и заемщиков должно сопровождаться штрафными санкциями.

Шортинг. Короткие продажи существенно усиливают нестабильность на финансовом рынке, так как, не подразумевая на первый взгляд весомых сложностей, на деле представляют собой самый сложный механизм. Теоретически цена активов может расти до бесконечности, в связи с чем трудно определить идеальный момент для решительных и, как следствие, рискованных действий по их купле-продаже.

Налог Тобина. Вступает в силу, если заемщик берет в кредит сумму, превышающую 50% стоимости собственных активов, и взимается в зависимости от ситуации или с заемщика, или с кредитора. Выручка от налога могла бы использоваться для финансирования новых международных институтов и развития беднейших стран.

Жесткая законодательная база. Предотвратит утечку капитала в «райские» налоговые зоны, включая страны, входящие в черный список Казначейства США и многих центральных банков.

Ценные бумаги. Предлагаются предотвращение оптовой скупки и перепродажи ценных бумаг между основными фондовыми рынками, установка стандартов регулирования международных банковских операций и стимулирование долгосрочных инвестиций. Также следует сократить выплаты акционерам, предоставив им право участия в решении ключевых вопросов.

Новая политика кредитно-рейтинговых агентств. Им следует сократить зависимость от эмитентов ценных бумаг при помощи дополнительного финансирования независимыми инвесторами.

Правила «Базель II». Они позволяли банкам брать на себя неоправданные риски. Акцент должен быть смещен в сторону наращивания основного капитала, процента резерва и сокращения минимальных резервов на все сделки.

Для стабилизации положения правительства будут вынуждены использовать деньги налогоплатель-

щиков. В этом случае, по мнению участников дискуссии, все перечисленные выше меры сократят возможные потери частного и государственного секторов.

Меры будут эффективными, если им придать статус международных, ограничивая тем самым желание игроков рынка постоянно менять его структуру, спекулируя правилами и полномочиями.

Реформирование международных институтов

Сегодняшние международные институты были созданы в качественно ином контексте и заточены под задачи, которые утратили свою актуальность, поэтому они также нуждаются в изменениях.

Международный валютный фонд. На данный момент МВФ все еще находится на пике влияния. Владея развитой инфраструктурой и другими необходимыми ресурсами, организация снабжает внушительными кредитами развивающиеся страны. Тем не менее фонд перешел с принятого ранее курса на монетаристскую концепцию, закрыв глаза на происходящее на мировых рынках и приняв на себя роль скорее пассивного созерцателя, чем ответственного арбитра. Ввиду этого МВФ должен быть заменен более масштабным институтом. Оптимальным решением может стать создание нового сверхмощного регулятивного центра, который не допустит доминирования какой-либо одной концепции.

Участники форума видят новый экономический уклад в здоровой конкуренции новых и прежних макроэкономических моделей — свободного рынка (концепция США), социального равенства (идеология ЕС) и рыночного социализма (модель Китая). В условиях быстро меняющегося мира гибкое сочетание подобных инструментов позволит эффективно управлять вновь создаваемыми и сложившимися институтами.

Новые институты. Их скорого появления ожидать не стоит, поскольку они должны формироваться при участии сильных и креативных команд, ставящих во главу угла качество своей деятельности, а не количество штатных сотрудников и бюрократию. Новое время диктует и новые правила деловой этики в сфере международного сотрудничества. Этим командам предстоит доказать свою объективность в оказании содействия слаборазвитым странам и способность формировать долгосрочные инфраструктурные инвестиции, не взирая на собственные экономические интересы. Организации нового типа должны быть надежно защищены от вируса алчности, поразившего мировые финансовые рынки.

Роль новых институтов на национальном уровне могли бы выполнять центральные банки. Для этого они должны принять определенные ограничения, а также содействовать росту занятости и национальному экономическому развитию. Другая авторитетная организация, которая могла бы представить собой базу для нового института, — «большая двад-

цатка» (G20). Она могла бы выступить в роли координационного центра, стимулирующего международное сотрудничество в традициях Дж. Кейнса и Бреттон-Вудса.

Отдельные участники дискуссии предложили более оригинальный подход — заменить старые институты новыми, способными сыграть роль модераторов международных экономических и финансовых операций.

Макроэкономические аспекты

Несмотря на смешение экономических моделей, в мире по-прежнему конкурируют две доминирующие теории: кейнсианская и монетаристская. Подобно тому как Великая депрессия в свое время дала толчок возникновению новых мировых экономических моделей, нынешний кризис, вероятно, тоже внесет кардинальные изменения в наше будущее. В связи с этим возникает вопрос: что придет на смену методам регулирования, основанным на колебаниях учетных процентных ставок? Изменение данного параметра позволяло легко достигать соглашений по разработке экономических стратегий. Международные наблюдатели, такие как МВФ и ОЭСР, слишком ориентированы на монетаристскую стратегию, чтобы быть эффективными в данном вопросе.

Сложившаяся ситуация предоставляет G20, которая оказалась самым влиятельным органом, огромное поле деятельности, включая меры по обеспечению роста ВВП, уровня занятости и т. п. Это относительно молодая организация, у нее еще нет собственной истории, нет провалов. Ей удастся поддерживать баланс между Евросоюзом, Китаем и США, учитывая резко растущую экономическую и политическую значимость развивающихся стран, которые в скором времени составят большую часть мировой экономики.

Европейские участники G20 готовы к введению новых правил регулирования финансовых рынков. Другие члены организации, включая страны БРИК и ЮАР, склонны к разработке своего варианта финансовой архитектуры. Весной 2009 г. поднимался вопрос об усилении веса голосов этих стран в МВФ, Всемирном банке и ВТО, чтобы объективно отразить нынешнюю ситуацию, в которой США более не являются двигателем мировой экономики. Большая часть прироста мирового ВВП сегодня обеспечивается за счет Китая, Индии, Бразилии и других развивающихся экономик. Парадоксально, но при этом США, беспрецедентному должнику, принадлежит 17% голосов в МВФ, а Китаю, самому крупному кредитору, — только 3.66%.

В настоящее время все существующие финансовые модели, базирующиеся на запаздывающих индикаторах, не только отстают в выявлении основных перемен (об уровне нынешней рецессии было сообщено спустя шесть месяцев), но и дают в лучшем случае необъективные прогнозы. Как показывает опыт, в подобных обстоятельствах опере-

жающие индикаторы, рассчитанные такими организациями, как Форсайтная сеть «Формирование будущего», и технология сценарного планирования могут оказаться более эффективными.

Члены G20 разделяют концепцию традиционных реформ мировой финансовой архитектуры, нацеленных на повышение координации и прозрачности, совершенствование международной системы рычагов и стандартов, управленческой и учетной практики, заключение финансовых сделок за счет заемных средств, ограничение бонусных выплат и рискованных операций. Несмотря на то что Citibank, Morgan Stanley, JP Morgan Chase, AIG, Merrill Lynch два десятилетия изучали механизм работы нетрадиционных деривативов, в сложившейся ситуации единственное, что они смогли предложить, — перенести сделки с расчетными палатами на внебиржевую арену.

Реформирование мировой финансовой архитектуры

Бытует распространенное мнение, что американская модель экономического роста (свободные торговля, передвижение капитала, а также обменный курс национальной валюты и тотальная приватизация, действующие на нерегулируемых финансовых рынках) практически исчерпала себя. Современная европейская модель, представляющая специфическую форму социализма, адаптированную под европейскую ментальность, в корне отличается от модели 1930-х гг. продуктивностью и более здравым подходом.

Анализируя траектории рыночной и социально ориентированной экономик, участники дискуссии констатировали, что рыночная экономика стала жертвой саморазрушения. Тем не менее вопрос полной трансформации капитализма сегодня является спорным. Современный капитализм в корне отличается от классической теории А. Смита крайне агрессивной формой, базируясь на ошибочном утверждении, что рынок носит свободный характер. Его приверженцы на практике используют сложившуюся ситуацию в личных интересах при помощи различных рычагов — лоббистской деятельности, субсидий и манипулирования. Стоящие у руля этой системы могут заранее определить ее слабые места и вложить средства в наиболее надежные проекты. Настоящая трансформация начнется только тогда, когда и эти игроки прочувствуют остроту проблемы.

Участники дискуссии сохраняют оптимизм по поводу того, что начатые реформы будут доведены до логического завершения. Это позволяет надеяться на позитивный сценарий будущего. При этом в нем могут быть свои трудности: весьма сомнительно, чтобы США приняли как должное изменения в финансовой архитектуре, где им будет отведена далеко не главенствующая роль на мировой арене. Допускался и пессимистический сценарий, предполагающий острые споры о справедливости реформ.

Мир после кризиса

Посткризисная фаза, как правило, открывает новые широкие возможности, и курс на них уже сам по себе становится движущей силой, способной вывести на следующий уровень роста. Сетевая команда попыталась увидеть эти возможности и сформулировала их следующим образом.

Финансовый прогноз

Последние тенденции указывают на то, что после периода восстановления мир на короткое время вернется к положительному экономическому сценарию. Экономический рост начнется при условии, что доверие к финансовой системе все-таки будет восстановлено, даже путем значительных потерь.

В дальнейшем большинство банков (фигуранты в кризисе) избавятся от наиболее токсичных долгов и начнут возвращаться к своей традиционной консервативной роли розничных банков. Они станут объектами более строгого регулирования без участия международных организаций, что вернет доверие банкам, а их долги, образовавшиеся за счет спекуляций и использования деривативов, будут ликвидированы и отделены от основной деятельности розничных банков. Эти займы будут обеспечены активами, стоимость которых пока еще не определена, но, скорее всего, будет внушительной. Правительства будут оказывать поддержку банкам, выкупая эти задолженности и стимулируя тем самым рост прибыли в общественном секторе. Если учетные процентные ставки останутся относительно низкими, а мировые оптовые рынки продолжат функционировать, рост будет наблюдаться в большинстве секторов экономики и поддерживаться государственными инвестициями в развитие инфраструктуры.

Наиболее ярким эффектом кризиса, возможно, станет сдвиг в макроэкономической политике. Кредитно-денежные инструменты, доминировавшие на мировой площадке несколько десятилетий, были заменены кейнсианскими методами. Однако степень и сроки их применения до сих пор точно не определены. Несмотря на то что возрождение социалистических принципов еще предстоит осуществить, левосторонние идеи уже получили широкое распространение во многих странах.

Вместе с тем противоречие между моделями Дж. Кейнса и М. Фридмана будет стимулировать контроль за изменениями, вызванными ИКТ-революцией. В частности, развитие мобильных технологий, социальных сетей и Интернета послужит основой для формирования экономик нового типа и базой для создания альтернативных валют. Последнее вовсе не означает отказа от укрепления национальных денежных единиц, хотя некоторые участники предложили применить комбинацию доллара и евро в качестве новой резервной СКВ,

мотивируя это затянувшейся неопределенностью, связанной с гигантской задолженностью США.

Экономический прогноз

Из широкого спектра мнений участников дискуссии можно выделить три наиболее вероятные версии экономической модели — марксистскую, кейнсианскую и разработанную Чикагской школой. За каждой стоят весьма интересные идеи. Для Запада наименее приемлемой является марксистская модель, базирующаяся на зависимости экономики от социальных структур. В свете текущего кризиса достаточно сбалансированной выглядит кейнсианская модель, а самыми непривлекательными — идеи Чикагской школы, которым присуща чрезмерно монетаристская система взглядов.

Цикличность макроэкономических теорий и в особенности недавний провал чисто рыночной модели, позволяют обратиться к таким прагматичным решениям, как расширение состава участников рынка и применение концепции смешанной экономики. В итоге в ближайшее время может получить развитие сбалансированная экономика смешанного типа, вобрав в себя лучшее из двух противоположных понятий — социальных ценностей и рыночных сил.

Положительным аспектом масштабного государственного вмешательства является спасение банков от неадекватного восприятия реальности путем резкого сдвига в сторону синтеза частного предпринимательства и государственного контроля. В таком случае целью организаций станет сбалансированное сотрудничество всех членов общества, а не гонка за сверхприбылями путем проведения высокорисковых операций.

Таким образом, структура распределения потребительских доходов будет изменена в сторону создания накоплений, а не кредитов.

Ошибки, спровоцировавшие кризис

- Широкое распространение идеи отмены государственного регулирования экономики, особенно банковского сектора
- Признание тезиса, что финансовые рынки воплощают превосходство свободного предпринимательства над остальными экономическими концепциями
- Алчность, разжигаемая бонусами, отсутствие анализа возможных последствий
- Допущение правительствами бесконтрольной выдачи кредитов
- Недооценка перераспределения торговых и финансовых потоков между США и Китаем, что привело к катастрофическому дисбалансу на глобальных финансовых рынках

Политический прогноз

В XX в. судьбоносные тренды носили скорее неэкономический характер и отражали развитие социальных движений. Несмотря на то, что нынешний кризис считается финансово-экономическим, свою актуальность сохранили движущие силы социальных перемен. Они выражаются в переходе к постиндустриальному миру, ИКТ-революции и экономике знаний; в растущем влиянии развивающихся стран; демографических тенденциях и др.

Политические стимулы оказались менее значимыми, в основном они связаны с глобализацией: большое внимание будет уделено развитию международных обществ с целью снижения влияния США. Речь может идти о создании международной организации, близкой по политическому и административному устройству к ЕС и G20. Евросоюз уже занял достаточно сильные позиции, его устройство выгодно отличается от прежних путей развития европейских стран-участниц. Индонезия в случае отказа от членства в новом институте может стать ядром мощного исламского блока. Япония ввиду малого размера своей территории не сможет сохранить нейтралитет и будет вынуждена примкнуть к Евросоюзу или Китаю. Последний, по убеждению участников дискуссии, не займет место мирового лидера. **М. Энтони** приводит следующие доводы: «Будущее лидерство Китая весьма сомнительно. Страна испытывает во многом те же проблемы, что и США, хотя и находится на значительно более ранней стадии развития. Китайцы — мастера показывать товар лицом и пользоваться чужими идеями. За респектабельными фасадами Пекина процветают коррупция, попрошайничество, моральное разложение, а уровень безработицы достигает 20%. Рост цен на продовольствие означает, что 80% беднейшей части населения борется за выживание. Существует негласное соглашение между китайским правительством и населением. Китайцы уступили свою власть правительству в обмен на возможность богатеть. Подобное явление происходит в разной степени во многих странах — возможно, что и в США население давно отказалось от участия в управлении страной. Китаю, как и США, требуется качественный системный сдвиг. Возможно, крах американской империи будет иметь положительный эффект скорее в долгосрочной перспективе, но будет достаточно болезненным в кратко- и среднесрочный периоды. Люди, лишенные комфортного стиля жизни, задумаются о том, что на самом деле важно».

Несмотря на то что экономическая парадигма Китая соответствует концепции капитализма, социальная и политическая структуры все же остаются коммунистическими.

В целом глобальный политический климат в контексте кризиса оценивается как положительный, во всяком случае новой мировой войны не предвидится. Единственным политическим риском является то, как Америка воспримет потерю лидерских позиций. В 2000 г. администрация Буша на подобные заявления реагировала довольно болезненно. Сегодня встает вопрос: как это воспримет кабинет Обамы?

* * *

Подводя итоги, отметим, что при всей деструктивной роли кризис, если рассматривать его как стену по ходу движения, может оказать добрую услугу тем, кто задаст себе вопрос: «А куда, собственно, двигались?»

Поиск ответов и их осознание произведут множество созидательных эффектов для будущих сценариев развития, будь то корпоративный уровень, национальный или просто концептуальный.

Эффекты кризиса, несомненно, уже имеют место в сегодняшней жизни — положен конец порочной практике в банковской сфере. В свою очередь, это окажет эффект на экономическое устройство мира: возникает необходимость возвращения финансам их основной роли — стимулирования притока ресурсов и инноваций в реальный сектор экономики.

В свете сегодняшнего преодоления пиковой фазы кризиса представляется актуальным мнение, высказанное **М. Бен-Менахемом**: «Для смены мировой экономической модели время еще не настало. Слишком многое должно поменяться. Изменить сложившуюся экономическую модель способны разрушительные войны или базовые прорывные технологии, но экономический спад на это не способен».

Даже если приведенная точка зрения и соответствует истине, то работу, которую провела сетевая команда, можно считать хорошей подготовкой к формированию новой экономической модели с учетом накопленного исторического капитала — проб и ошибок, без чего вряд ли возможна успешная реализация какого-либо мегапроекта, особенно если речь идет о построении новой финансово-экономической системы. F

Редакция журнала «Форсайт» продолжит освещение хода сетевых дискуссий о посткризисных стратегиях.

Бельке Э., Минкс Э. Мыслить категориями многовариантного будущего // Форсайт, 2008, № 4. С. 4–8.

Клейтон Э. Технологические дорожные карты: инструменты для развития // Форсайт, 2008, № 3. С. 68–74.

Кристенсен К. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Руфф Ф. Кризис роста и погоня за улучшениями: вызовы для инноваций и маркетинга // Форсайт, 2007, № 2. С. 22–26.

Сергина С.Ф., Барышев И.А. Закономерно ли появление Форсайта? // Форсайт, 2008, № 2. С. 4–12.

Финкельштейн С. Ошибки топ-менеджеров ведущих корпораций: анализ и практические выводы (пер. с англ.). М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Фостер Р., Каплан С. Созидательное разрушение: почему компании, «построенные навечно», показывают не лучшие результаты и что надо сделать, чтобы поднять их эффективность (пер. с англ.). М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.